

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., Институт экономики РАН, Финансовый университет,
Москва

«НАУЧНЫЕ ТРАНСАКЦИИ» И СЛЕПЫЕ ПЯТНА В АНАЛИЗЕ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (О книге профессора А.Н. Олейника «Научные транзакции: сети и иерархии в общественных науках»)¹

Аннотация. В рецензии рассматривается пионерная работа А. Олейника, посвященная анализу институтов науки и их влиянию на результативность исследований. А. Олейник разграничивает вертикальные и горизонтальные научные транзакции, которые поддерживаются разными наборами институтов. Автор показывает, что вертикальные транзакции связаны с властными институтами. Последние ограничивают академическую свободу, что приводит к снижению результативности исследований.

В работе рассматриваются такие специфические институты, как рецензирование и отбор статей, грантов на научные исследования, конкурсы на замещение научных должностей.

Поскольку А. Олейник связывает научную результативность с количеством научных публикаций, индексом цитирования и прочими количественными показателями, возникает слепое пятно, связанное с отсутствием критериев ценности науки для общества. Институты науки оказываются близки к институтам спорта, причинно-следственная связь между наукой, продукцией которой являются публикации, и социально-экономическим развитием является неоднозначной.

Ключевые слова: научные транзакции, сети, власть, иерархии, результативность научных исследований.

Классификация JEL: B41, B52, D23, Z13.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10213

Сравнительно небольшая по объему книга известного российского институционального экономиста А.Н. Олейника представляет собой, на наш взгляд, редко встречающееся в науке *пионерное исследование*. Сам автор определяет цель своего труда следующим образом: «Институциональная экономика ставит вопрос о влиянии институтов на функционирование экономики... Почему бы не задать аналогичный вопрос в отношении науки: как институты науки влияют на исследовательскую деятельность и результативность труда ученых? Данная книга представляет собой попытку сделать некоторые шаги в данном направлении...» [С. 2].

Однако что же в этом «пионерного»? Среди социологов несколько лет назад вызвала большой резонанс работа М. Соколова и К. Титаева, посвященная туземной и провинциальной науке [Соколов, Титаев, 2013], еще раньше К. Титаев писал об «академическом сговоре», который в российских вузах приводит к «инфляции оценок» [Титаев, 2012]. Различение между туземной и провинциальной наукой авторы делают на основе «откры-

¹ Олейник А.Н. Научные транзакции: сети и иерархии в общественных науках. М.: ИНФРА-М, 2019. Далее цитаты из книги А.Н. Олейника даются без указания источника, в квадратных скобках приводятся только номера страниц.

тости – закрытости» научных коммуникаций, что очень близко к тому, как А.Н. Олейник различает типы научных трансакций. Наконец, у самого А.Н. Олейника в конце книги приводится библиографический список из 375 работ, которые так или иначе относятся к теме его исследования.

Принципиальная новизна работы автора, на наш взгляд, заключается в его попытке не только выделить и описать то, как устроены научные институты, но и верифицировать гипотезы об их взаимосвязи с результативностью исследований. Традиционным ходом размышлений экономистов об институтах является то, что институты позволяют экономить трансакционные издержки. А.Н. Олейник практически сразу же отказывается от этой логики: «Трансакционные издержки в институциональной среде науки России не обязательно выше тех, что наблюдаются в Северной Америке. Без сбора эмпирических данных ответа на вопрос о том, на что требуется больше времени и усилий – на поддержание хороших отношений с N коллег или с M научных администраторов (при том, что $M < N$), – не найти...» [С. 18]. Поэтому автор делает, если прибегнуть к метафоре, «шаг назад», переходя от Р. Коуза к Дж. Коммонсу, от оценки величины трансакционных издержек к характеристике самих трансакций. И потом уже, с помощью различных способов оценки и проверки гипотез о характере связей трансакций с институтами науки и результативностью исследований, А.Н. Олейник делает выводы.

Несмотря на кажущуюся очевидность вопроса о связях между институтами науки и результативностью исследований, сразу же возникает несколько проблем. Во-первых, что считать «институтами науки»? Как уже указывалось, автор прибегает к классификации трансакций. В схеме, которая приводится на стр. 5, видны два типа таких трансакций – вертикальные и горизонтальные. Вертикальные – взаимодействия с научным администратором и политиком, но также и со студентами. Горизонтальные – между коллегами, читателями и цитируемыми авторами. Все это выстраивается вокруг определенных институтов, в т.ч. – властных. И книга А.Н. Олейника также структурируется через характеристику и сравнительный анализ данных институтов, сложившихся в различных странах.

Вторая проблема – как определять результативность труда ученых? У автора это не вызывает затруднений – результативность определяется через количество статей, проиндексированных в Web of Science и elibrary, на основе которых рассчитываются соответствующие «хирши» и количество Нобелевских премий, полученных учеными той или иной страны. По нашему мнению, такой подход приводит к появлению «слепых пятен», которые ставят под сомнение часть полученных в работе результатов, однако сразу же стоит оговориться, что подход А.Н. Олейника разделяет, по-видимому, большинство и научных администраторов, и авторитетных ученых, имеющих влияние на формирование государственной научной политики в России.

Основная гипотеза работы предъясняется читателю почти сразу же, в предисловии к книге. Хотя автор специально оговаривается, что: «априорные допущения о предпочтительности той или иной институциональной среды сознательно не делаются... Ни одна из рассматриваемых институциональных сред не является идеальной» [С. 8], в целом результативность западных исследователей оценивается выше, чем российских ученых, особенно в общественных науках. При этом в институциональной среде западной науки доминируют горизонтальные трансакции, в российской – вертикальные. Отсюда решающим фактором является академическая свобода, которая в США обеспечивается на уровне отдельного исследователя, а не организации (вуза или НИИ), как в России. «Под академической свободой здесь понимается способность ученого самостоятельно ставить исследовательские задачи, методы проведения исследования, интерпретировать полученные результаты и выбирать способ их распространения (в том числе и журналы для публикации результатов)... Академическая свобода ценна не только потому, что на ее основе можно достичь определенного научного результата... Она

ценна еще и тем, что предоставляет возможность принять участие собственно в «игре», то есть в научных исследованиях. В пользу такой трактовки академической свободы свидетельствует и специфика научных исследований... научные исследования – высоко-рисковое предприятие. Заранее неизвестно, какое направление исследований оправдывает себя, а какое – нет (и уж тем более это неизвестно научному администратору или политику). Поэтому вознаграждение исключительно по результатам снизит стимулы к поиску новых методов и теорий. Следовательно, академическая свобода обладает ценностью и сама по себе.

Во-вторых, точно измерить качество обладающих новизной результатов исследования невозможно ввиду уникальности этого «товара»... Отсюда риск не заметить действительно стоящие открытия. Если академическая свобода исключительно инструментальна, то есть ценна лишь в той мере, в какой ценны полученные с ее помощью результаты, то риск первооткрывателя остаться незамеченным не будет вознаграждаться ничем» [С. 19]. Попросту сказать, при прочих равных условиях, сравнивая результаты и издержки научных исследований, академическую свободу следует рассматривать как дополнительный чистый доход.

Казалось бы, на этом можно было бы и закончить: горизонтальные трансакции обеспечивают большую академическую свободу, а стало быть, надо копировать западные институты, что повысит отечественную результативность и т.д. Но для А.Н. Олейника здесь только начало исследования. Научные трансакции могут осуществляться в двух регистрах – один является, по сути, личностным: это сети, кружки, научные школы; другой – обезличенным. В последнем случае ученый обращается «к городу и миру», это своего рода «Республика Писем». Поскольку большинство ученых общается сразу в двух регистрах (хотя часто один из них сильно доминирует), возникает конфликт интересов, который автор скрупулезно рассматривает на примерах практики рецензирования статей в журналах, заявок на гранты и заявок на получение теньюра.

С автором редактор журнала общается в двух регистрах: «На основе преимущества общения с автором в обоих регистрах редактор укрепляет свою власть. Более того, роль редактора никогда не ограничивается только ролью ученого: он одновременно выступает в качестве участника сети, члена научной школы, сотрудника университета и т.д. Функция контролера на входе... позволяет редактору сознательно или неосознанно продвигать партикуляристические интересы, влияющие в дальнейшем на развитие дисциплины в целом...» [С. 104].

С этим можно только согласиться, однако автор идет дальше и проговаривает вслух секрет, известный всем телефонным хулиганам: анонимность при «слепом рецензировании» раскрепощает весьма недобрые чувства товарищей по исследованию: «Личные архивы большинства ученых несомненно включают примеры оскорбительных и/или наставнических комментариев со стороны своих коллег. Я тоже не являюсь исключением» [С. 107].

При рецензировании заявок на гранты, как показывает опыт США, объективности, если понимать под последней степень согласованности мнений рецензентов, существенно больше [С. 108]. Думается, это обеспечивается тем обстоятельством, что рецензенты знают оценки друг друга, проходят несколько «кругов обсуждения», анонимность, в общем-то, пропадает. Кроме того, в комитет «оценщиков» в случае, рассматриваемом автором, входило 10 участников, а не 2 анонимных рецензента, как это практикуется отечественными (да и зарубежными) журналами².

² Трудно сказать, получил бы автор более высокую согласованность оценок грантов, нежели статей, анализируя опыт рецензирования РФФ, РФФИ и ведущих отечественных журналов.

В отношении институциональных практик конкурса на замещение вакантных должностей профессоров А.Н. Олейник отмечает отсутствие в России позиции «тенью-ра»³, гарантирующей своего рода пожизненный найм. С одной стороны, незащищенность российских профессоров способствует развитию такого явления, как «инфляция оценок» – приходится учитывать то, что на прохождение очередного конкурса будет влиять мнение студентов о «качестве преподавания». С другой стороны, автор отмечает, ссылаясь на П. Бурдые и других авторов, что иерархия при отборе способствует развитию nepoтизма [С. 120–121]. Безусловно, процедура отбора профессорско-преподавательского состава в России крайне иерархична и основана в первую очередь на властных, вертикальных трансакциях. Хотя нормативных оценок автор старательно избегает.

Рассматривая институциональную среду науки, автор вводит важную методологическую посылку, различая «два типа обществ: холисткий и модерный, или сложный. В обществах первого типа функциональной дифференциации нет, а поведение людей в разных сферах не отличается... Принимая во внимание одно из определений модерности как процесса функциональной дифференциации и возникновения автономных сфер с собственными правилами игры, например, политики, экономики, промышленности и т.д., общество второго типа можно охарактеризовать наличием сложной, функционально дифференцированной институциональной среды... Вместо того чтобы отделять одну страну от других, как в случае бывшего Советского Союза или сегодняшней Северной Кореи, «железный занавес» в этом случае отделяет друг от друга сферы, действующие внутри одной страны, например, рынок от социальной сферы, политику от рынка и т.д. Именно степень проницаемости этого «занавеса» и определяет принадлежность институциональной среды к холистскому либо к сложному типу» [С. 135–136].

Автор не без оснований полагает, что «сложный», функционально дифференцированный тип общества, в котором институты науки являются автономными от институтов бизнеса и/или политики, обеспечивает существенно большую академическую свободу, нежели в обществах, близких к холистскому типу. Используя общеизвестный пример, можно заметить, что высокая «проницаемость» занавеса между политикой и рынком ведет к формированию пресловутой олигархии, аналогичное свойство будет приводить к формированию соответствующих структур как в академической науке, так и в образовании. Отмечая, что североамериканские институты науки являются наиболее автономными, А.Н. Олейник ставит вопрос о возможности переноса «лучших практик» на российскую почву. В связи с этим особый интерес представляет пятая глава работы, где сравниваются опыт и результаты функционирования МГУ (традиционная российская практика) и НИУ ВШЭ. Последний во многом заимствовал западные институты, включая позицию «ординарных профессоров», близкую к теньюра⁴.

³ Автор ярко характеризует специфику этой практики: «Так как в Северной Америке существует теньюр, то вопросы найма приобретают чрезвычайно важное значение: избавиться от коллеги подчас сложнее, чем супругам получить развод. Получение работы, открывающей перспективы на теньюр (tenure-track), рассматривается как высшая точка научной карьеры ввиду ее редкости... Конфликты по поводу найма в таких условиях приобретают особую интенсивность и персонифицированный характер» [С. 15].

⁴ По этому поводу автор отмечает: «можно привести несколько аргументов, доказывающих обратное. Во-первых, политика НИУ ВШЭ в отношении ординарных профессоров («Положение об ординарных профессорах ГУ-ВШЭ» от июня 2005 г.) не содержит правовых гарантий занятости. В противном случае НИУ ВШЭ нарушила бы статью 332 Трудового кодекса Российской Федерации, закладывающую правовую основу возобновляемых контрактов. Во-вторых, беседы с несколькими ординарными профессорами НИУ ВШЭ подтвердили, что безопасность их статуса зависит исключительно от доброй воли ректора. НИУ ВШЭ не принимает на себя каких-либо юридических обязательств в этом плане. В-третьих, независимо от характера обязательств НИУ ВШЭ не имеет механизма к их принудительному исполнению, поскольку все опять же зависит от руководства НИУ ВШЭ. В-четвертых, процедура избрания ординарных профессоров НИУ ВШЭ непрозрачна. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что подать заявку на звание ординарного профессора невозможно. Профессор назначается другими ординарными профессорами и/или членами высшего руководства НИУ ВШЭ» [С. 309].

Для того, чтобы оценить результативность университетов, автор – как и в других частях работы – прибегает как к простому частотному анализу, так и к эконометрическим методам. Это придает большую убедительность полученным выводам, главный из которых заключается в том, что «культурные предприниматели» заимствуют на западе те практики, которые «не ставят под вопрос ведущую роль власти в российской институциональной среде и не меняют преобладающую модель властных отношений» [С. 199]. Как ни странно, в этом плане НИУ ВШЭ, как оказалось, не так уж сильно отличается от МГУ.

По ходу сравнения результативности исследований автор ставит вопрос – как на оценки повлияло внедрение российского индекса научного цитирования (Russian Science Citation Index)? Именно применение последнего позволяет НИУ ВШЭ продемонстрировать удивительную результативность исследований в общественных науках. Описывая то, как отбирались журналы для индексирования, А.Н. Олейник указывает, что «Представитель НИУ ВШЭ отвечал за отбор журналов в области общественных и гуманитарных наук, ситуация в которых является основным предметом обсуждения в настоящей книге. Для понимания результатов отбора научных журналов в этих двух областях следует отметить, что представитель НИУ ВШЭ занимал должность первого проректора и одновременно главного редактора одного из экономических журналов, включенного в итоге в RSCI. Научные журналы, издаваемые НИУ ВШЭ, существенно выиграли в результате создания RSCI. Данный университет издает в общей сложности 27 журналов, подавляющее большинство из которых, 25, печатает работы в области общественных и гуманитарных наук. 14 из публикуемых НИУ ВШЭ журналов, или 52% от их общего числа, были в итоге проиндексированы в RSCI» [С. 190–191]. Подобные важные детали действительно, как указано в аннотации к книге, раскрывают то, как работает «научная кухня». И уже ради этого работу стоит читать.

Мы не ставим перед собой задачу пересказать всю книгу. В ней много авторских новаций, связанных с эмпирической проверкой высказываемых гипотез. Например, гипотезы о взаимоотношениях между автором и читателем были проверены в стиле экспериментальной экономики В. Смита [Смит, 2008], при помощи небольшого коллектива единомышленников. Для этого выделялись характеристики глубокого и поверхностного чтения, рассматривалось влияние на восприятие читателя удобочитаемости текста (А.Н. Олейник приводит следующую цитату: «Плохо организованный текст требует от читателя больше усилий в отличие от хорошо организованного, передающего читателю, как правило, больше информации. Исследования установили, что читатели с низким уровнем знаний получают больше от текстов второго типа, в то время как читатели с высоким уровнем знаний – от текстов первого» [С. 215]. Отметим, впрочем, что собственный эксперимент автора, описанный в работе, опровергает результаты этих исследований). Большой интерес вызывает раздел, посвященный инфляции вузовских оценок, и т.д.

Тем не менее обсуждение того, как устроена наука, обуславливает появление «слепого пятна», исключаящего обсуждение вопроса – зачем она нужна. По нашему мнению, все российские ученые придерживаются мнения о необходимости расширения нашей академической свободы, а заодно – о полезности теньюра для каждого из нас лично. И полная автономность сферы науки в сложном, функционально дифференцированном обществе – это российским ученым просто маслом по сердцу. При этом, конечно, предполагается привилегированное положение этой автономной сферы – доходы среднестатистического ученого должны быть как минимум в два раза больше, чем в остальных сферах, включая финансовый сектор или промышленность, а лучше бы – и еще повыше.

Функциональная дифференциация, вообще говоря, не исключает вопроса об оценке общественной полезности. Перепроизводство стали, зерна или, скажем, картин, написанных масляными красками, даже при условии возможностей экспорта, приведет к снижению доходов отдельных производителей. Если оценивать результаты научной деятельности в количестве статей, то сколько научных статей готово оплачивать общество, даже учиты-

вая то обстоятельство, что существенная часть из них будет опубликована в зарубежных журналах?

Очевидно, что сравнение сферы науки со сферами материального производства выглядит некорректно. Измерение результативности научных исследований в количестве статей, опубликованных в журналах с высоким импакт-фактором, получение высокого индекса цитирования, а также – тех или иных престижных премий делают науку скорее похожей на спорт, нежели на «производство». Но как указывает сам же А.Н. Олейник со ссылкой на Н. Розова, «утилитарное использование некоторых идей Коллинза приведет к переключению “внимания с содержания философии на социальную борьбу”» [С. 41].

Но ведь так оно и есть. «Девиантные формы поведения» ученых обычно связывают с плагиатом и мошенничеством (например, в приписывании волшебного эффекта тем или иным методикам). Однако если их расширить, включив поведение «контролера на входе», пропускающего «своих» или выбора только тех «лучших практик», которые сохраняют и укрепляют сложившиеся в вузах и НИИ властные иерархии, о чем так хорошо пишет А.Н. Олейник, то занятия наукой получают совсем иную интерпретацию. Институты науки в таком случае становятся очень похожими на институты спорта. Антидопинговые агентства, осуществляющие допуск к соревнованиям, ведут себя как редакторы журналов, договорные матчи и допинг выглядят как процедуры «накрутки индекса Хирша» и импакт-факторов... Кроме того, есть и такая вещь, как замалчивание чужих результатов, что в современном спорте напоминает отказ в визе для участия в соревнованиях спортсменам, которые могут угрожать местным фаворитам.

В свою очередь, если согласиться с оптимистичным утверждением прогрессивной общественности, что развитие науки и трансформация научных институтов является причиной, а не следствием экономического роста, то наиболее эффективные институты науки находятся сейчас не на Западе, а в Китае и Индии. Более того, легко заметить, что при сохранении сложившихся трендов удельный вес статей ученых из этих стран будет повышаться, как и удельный вес соответствующих журналов в международных наукометрических базах. Однако кто связывает успехи Китая и Индии, как и стран Юго-Восточной Азии вообще (включая Японию), с быстрым развитием науки в этих странах? И где тот новый Д. Мокир, который бы взялся это доказывать?

Сколько членов научного сообщества верит в то, что в течение ближайших 25 лет термин «мировая наука» станет ассоциироваться с «восточной», а не с «западной» наукой? По нашему мнению, такой казус не случится никогда, в том числе, конечно же, беспристрастный, лишенный политических и идеологических пристрастий, Нобелевский комитет, присуждающий время от времени премии экономистам с противоположными взглядами, подобного не допустит.

Странно, конечно, что А.Н. Олейник, так хорошо разбирающийся в тонкостях устройства образования и науки, пишет в конце своей замечательной книги: «Лучшим средством борьбы с инфляцией оценок будет осуществление оценивания как студентов, так и преподавателей на основе стабильного набора общепринятых критериев. Это представляется возможным только в том случае, если эти критерии производны от абсолютного приоритета, отдаваемого поиску истины, будь то истина парадигмальных наук или истина, укорененная в согласованной реальности непарадигмальных наук» [С. 258]. Перед этим почти все изложение работы убедительно свидетельствовало о том, что коллеги-исследователи стремятся либо к тениру, либо к хорошим отношениям с начальством, для чего и используется личный регистр научных транзакций. А тут – внутри вуза – безличный регистр, совместный поиск истины, сакральность, коллеги знают, каковы критерии производны от поиска истины, а какие – от лукавого...

Впрочем, чего только не случается на свете. Может быть, где-то такое и существует, но автор просто забыл или не успел описать эти идеальные институты науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Олейник А. (2019). Научные трансакции: сети и иерархии в общественных науках. М.: ИНФРА-М.
Смит В. (2008). Экспериментальная экономика. М.: ИРИСЭН; Мысль.
Соколов М., Титаев К. (2013). Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. №19. С. 239–275.
Титаев К. (2012). Академический сговор // Отечественные записки. № 2. С. 184–194.

Ореховский Пётр Александрович
orekhovskaya@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
orekhovskaya@mail.ru

SCIENTIFIC TRANSACTIONS» AND BLIND SPOTS IN ANALYSIS OF INSTITUTES OF SOCIAL SCIENCES (About the book by professor A.N. Oleynik «Scientific Transaction: networks and hierarchies in the social sciences)

Abstract. The review examines the pioneering work of A. Oleynik, devoted to the analysis of the institutions of science and their influence on the effectiveness of research. A. Oleynik distinguishes between vertical and horizontal scientific transactions, which are supported by different sets of institutions. The author shows that vertical transactions are connected with imperious institutions. The latter reduce the degree of academic freedom, which leads to a decrease in the effectiveness of research.

The work analyzes such specific institutions as peer review and selection of articles, grants for research and elections for filling scientific posts (tenure).

Since A. Oleynik associates scientific performance with the number of scientific publications, citation index and other quantitative indicators, a blind spot arises due to the lack of criteria for the value of science for society. Institutes of science are similar to the institutions of sport, the causal link between science, whose products are publications, and the socio-economic development is ambiguous.

Keywords: *scientific transactions, networks, power, hierarchy, the effectiveness of scientific research.*

JEL classification: B41, B52, D23, Z13.

REFERENCES

- Oleynik A. (2019). Nauchnyye transaktsii: seti i iyerarkhii v obshchestvennykh naukakh [Scientific Transactions: Networks and Hierarchies in the Social Sciences] M.: INFRA-M.
Smith W. (2008). Eksperimental'naya ekonomika [Experimental Economics]. M.: IRISEN; Mysl'.
Sokolov M., Titayev K. (2013). Provintsial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and native science] // Antropologicheskiy forum. №19. Pp. 239–275.
Titayev K. (2012). Akademicheskiy sgovor [Academic Conspiracy] // Otechestvennyye zapiski. № 2. Pp. 184–194.